

ЮРИЙ ЛОЗА:

*На маленьком плоту
Сквозь бури, дождь и грозы,
Взяв только сны и грезы
И детскую мечту,
Я тихо улыбку...*

Татьяна ПЕТРЕНКО

Строчки из песни "Плот" Юрия Лозы хорошо известны. Его либо начинают, либо заканчивают его выступления, этого уже не избежать — зрители не отпускают.

Парадокс заключается в том, что "Плот", ставший визитной карточкой певца, преодолел много порогов и водворотов. Песня написана тринадцать лет назад, еще во время работы в ансамбле "Интеграл", в Алма-Ате. В Москве она не была принята, и автор долго носился с ней по редакциям TV. Лишь восемь лет спустя "Плот" попал в передачу "Песня-90" и по сей день остается любимым и желанным.

Однако разговор с поэтом, композитором, исполнителем я начала не с песни. Сейчас на эстраде так много певцов с красивыми, звучными именами, что хотелось узнать: Лоза — это псевдоним?

— Нет. Моя фамилия, — улынувшись широко и открыто, ответил он, — существует давно, имеет польские корни, первоначально произносилась с ударением на первом слоге. В прошлом веке род Лозов переехал на Украину, а дед, женившись на русской, жил в Екатеринбурге до 1938 года, когда был репрессирован. Фа-

милia мне нравится, короткая, никогда никакой клички не было.

— У вас необычный голос, вас ни с кем не спутаешь, это тоже по наследству?

— Голос от природы. В роду музыкантов не было и занятие музыкой считалось непрестижным. Помузицировать до-

ма — еще куда ни шло, но делать это профессией — ни в коем случае! Поэтому, когда я поступил на географический факультет университета в Алма-Ате, где мы тогда жили, это было большим счастьем в семье. Правда, недолгим. За неуспеваемость меня оттуда попросили, и я загремел в ар-

Сам себе хозяин

Культура. — 1995. — 19 авг. — с. 5.

мию.

— А гитара, когда она появилась в вашей жизни?

— Я рос уверенным в себе, в детстве занимался шахматами, имел тренированную память, знал множество анекдотов, всегда был душой компании. И вдруг стал замечать, что парни, играющие на гитаре, пользуются большим успехом. Насел на родителей, достали где-то гитару (тогда это было не так-то просто). И я научился играть, сначала — в пределах четырех аккордов. В 9–10-х классах стал собирать первые группы.

— А как поэт Лоза решает с композитором Лозой извечный спор, что первично: стихи или музыка?

— Да, тут у меня преимущество. Когда в процессе участвуют двое, бывает, что поэт считает стихи гениальными и ни одной строчкой не хочет поступиться, а композитор говорит: "Что это ты тут написал, ни в один музыкальный размер не влезает". Я же в угоду музыке легко могу сломать текст или наоборот.

— Все ваши песни от первого лица. Это что, на самом деле все с вами происходило?

— В каждой — разные частички моего я. Считаю, что не имею права говорить за других, решать за кого-то, поэту и поэту от первого лица.

— У творческого человека должен быть очень строгий редактор, иначе он начинает считать, что все хорошо, и перестает расти.

— Я сам себе контролер не

слабый, будем так говорить. Плюс моя жена, мой первый стилист. Точно так же, когда она пишет что-то для себя, показывает в первую очередь мне.

— Почему ваши песни пронизаны грустью? Где прежнее озорство, острота?

— С некоторых пор меня все стали считать лириком. Почему? Сам не знаю. В моих первых магнитных альбомах "Путешествие в рок-н-ролл" и "Концерт для друзей" — двадцать песен, и ни одну из них нельзя назвать грустной. За мной ходила слава скандалиста. Начальников не устраивали ни тексты песен, ни высказывания во время концертов.

Я был запрещен до такой степени, что свои песни подписывал другой фамилией, лишь бы их можно было петь. Я уже двадцать лет на эстраде и за первые десять прошел огонь, воды и медные трубы. Чем я только не занимался: шоу, кантри, меня звали певцом городских трущоб. Работал в ресторане, в бюро добрых услуг — играл на свадьбах.

— А как прошло покорение Москвы, она ведь скандалистов тоже не очень жалует?

— Но в Москве поначалу я соло и не выступал, работал в группе "Зодчие". Я не скажу, что виртуоз, но, скажем так, крепкий, уверенный музыкант. Все гитарные партии играю сам. Забавный случай как-то вышел. Таня Буланова записывала свой первый альбом, а я как раз зашел в студию. У них не было гитариста, ну я и сыграл им партию в "Колы-

бельной". Полгода спустя на сборном концерте в Питере ко мне подходят две девочки и спрашивают, не тот ли я Лоза, который сыграл их любимой Булановой партию гитары. Услыша мой утвердительный ответ, они долго благодарили меня. И я понял, что не зря прожил свою жизнь, хоть что-то полезное сделал.

— Вы — человек практичный?

— Судя по тому, что все свои финансовые дела уже давно решаю сам, рано начал зарабатывать, — наверно, да. Но в личной жизни — нет. Даю в долг без процентов, женился без всякого расчета, по любви. Приехал из Алма-Аты, снимал жилье, и она тоже не москвичка — из Крыма. У меня чемодан, у нее чемодан. И стало нас двое с двумя чемоданами. А дом был замечательный: 186 лет простоял, уцелел во время наполеоновских пожаров, а в наше время треснул пополам! Но нас это не испугало, и у нас появился ребенок.

— А когда вы почувствовали, что становитесь популярным?

— Когда на концерты стали звать. После "Зодчих" я вошел в ассоциацию "Союзтеатр", нужна была "крыша". Однако все приглашения шли прямо ко мне. Я давным-давно сам себе хозяин. И сейчас трудовые книжки людей, которые со мной работают, лежат у меня дома. Я им сам записываю благодарности. Никаких контрактов, только устная договоренность.

— У вас постоянная команда? Большая?

— Когда-то их было 14, из них шесть техников. Мы возили с собой аппаратуру даже на дальние расстояния. Выгружали, устанавливали. Сейчас никто ничего не возит, и я тоже — переключился на работу в студии. Я отвечаю за все, если что-то выходит из строя. Ремонтом занимаюсь тоже я.

Если выбрал путь эстрадного артиста, значит, надо определить, что главное. Для меня — независимость, поэтому не ишу спонсоров, не прошу денег. Хорошо знаю, что за деньги мне потом, может быть, придется петь по заказу, по капризу "благодетеля". Артисты для многих из них ничего не значат, они могут ими помыкать, как домработницей. А мне никто не может приказывать: "Иди пой!" Я пою, когда хочу: для зрителей, для друзей, на стадионе или в маленьком зале, но не для одного человека, который в этом ничего не понимает.

— Юрий, о чем вы пишете сейчас?

— Ни о чем. Я не знаю, о чем можно петь в данный период. У меня нет тем. Меня страшно угнетает то, что сейчас происходит на нашей эстраде. Ни одна из песен не дотягивает до того уровня, который был десять лет назад. Это было золотое время. Мы выдумывали "эзопов язык", в каждом бродил дух противоречия, было интересно кому-то что-то доказывать.

У меня была задача — написать хорошие песни, чтобы

они чем-то помогли людям. Я написал полсотни, они звучат, их слушают. А сейчас?.. Что толку слезы лить и писать жалобную песню? А бравурную — глупо, бестактно. Бытовую? — все уже сказано. Сатирическую? — да сатира вообще исчезла! Вот и получается, что писать не о чем. А сейчас грядет излом — смена тысячелетий! Говорят, что даже на стыке веков происходят большие события, всплеск творческих сил, возникают новые виды искусств. А тут — тысячелетие!

— Но до этой даты целых пять лет. Вы, что же, будете все это время молчать?

— Ну почему? Я буду работать, выпускать старые песни в лучшем качестве, напишу книгу, сценарий, да мало ли чем можно заняться. Может быть, есть смысл сейчас копить какие-то идеи, чтобы выпустить альбом 2000 года.

— А спортом будете заниматься?

— Конечно! У меня было несколько первых разрядов: по ручному мячу, легкой атлетике, шахматам, футболу. Люблю командные виды спорта. У нас есть футбольная команда "Фортуна", где играют Газманов, Малехик, Казаченко, Салтыков. В прошлом году были в Голландии, в Англии играли на одном из лучших стадионов — Уэмбли, сейчас готовимся в Бразилию.

— Вы верите в судьбу? Считаете, что все в вашей жизни было predetermined?

— В одной из моих песен есть строчки: "На заплыванном, пустынном полустанке, от больших дорог и линий вдалеке, молодая, плутоватая цыганка грязным пальцем мне водила по руке". Но кто же всерьез верит этим гаданиям?..